

УДК 910.3

КРИЗИС РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. Дмитрий В. Заяц¹, Мария В. Зотова², Никита Л. Туров¹,
Михаил И. Ключников¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: zotovam@bk.ru

Поступила в редакцию 15.02.2017 г.

Аннотация. В статье на примере Белгородской и Харьковской областей исследовано современное состояние трансграничных взаимодействий между Россией и Украиной после кризисных событий 2014 г. Изучена динамика основных социально-экономических показателей регионов-соседей под влиянием кризиса во взаимных политических отношениях. Выявлено, что усиление барьерных функций границы приводит к сворачиванию двусторонних взаимодействий и интенсификации теневых форм трудовой и предпринимательской деятельности. Проанализированы направления трансграничных потоков населения, выявлена их асимметрия. Исследованы четыре основных измерения приграничного сотрудничества: инфраструктурное, институциональное, экономическое и социальное. Сделан вывод, что в условиях политических кризисов инфраструктурное и институциональное измерения сотрудничества в наибольшей степени подпадают под влияние внешних факторов и заметно трансформируются. В то же время экономические и социальные взаимодействия, хотя и заметно ослабевают, до конца не прекращаются, что сохраняет возможности для возобновления сотрудничества при благоприятных условиях.

Ключевые слова: Россия, Украина, приграничное сотрудничество, кризис, Белгородская область, Харьковская область, экономические связи.

DOI: 10.7868/S0373244417050048

CRISIS OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS: CONSEQUENCES FOR CROSS-BORDER COOPERATION IN BELGOROD OBLAST

Dmitrii V. Zayats¹, Mariya V. Zotova², Nikita L. Turov¹, and Mikhail I. Klyuchnikov¹

¹Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia

²Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: zotovam@bk.ru

Received February 15, 2017

Abstract. In the article, the current state and the dynamics of cross-border cooperation between Russia and Ukraine after the 2014 crisis events investigated on the case study of Belgorod and Kharkiv oblasts. The dynamics of the main socioeconomic indicators of neighboring regions under the impact of the crisis in mutual political relations is analyzed. It is revealed that the strengthening of barrier functions of the border leads to the reduction of bilateral interactions and the intensification of shadow forms of labor and entrepreneurial activity. The directions of cross-border population flows are analyzed, their asymmetry is shown. Four main dimensions of cross-border cooperation have been explored: infrastructural, institutional, economic and social. It is concluded that in the context of political crises the infrastructural and institutional dimensions of cooperation are influenced by external factors and are significantly transformed. At the same time, economic and social interactions although noticeably weaken, do not stop completely, keeping the possibilities for renewed cooperation under favorable conditions.

Keywords: Russia, Ukraine, cross-border cooperation, crisis, Belgorod oblast, Kharkiv oblast, economic relations.

Одним из наиболее чувствительных ареалов развития дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве с 1990-х годов стала городская система Харьков – Белгород. Областные центры, расстояние между которыми по автомобильной дороге составляет всего 80 км, имели в советское время тесные экономические, транспортные и культурные связи. Ряд исследователей предполагали в будущем формирование единой двухъядерной городской агломерации [27]. Развитие трансграничных взаимодействий было прервано в результате событий 2014 г., сильно трансформировавших внутреннюю политическую структуру Украины. Имеющийся на настоящий момент уровень барьерности для комплекса взаимодействий между Белгородом и Харьковом беспрецедентен для всего периода существования двух городов.

Исследования государственных границ и российско-украинского пограничья

Современные зарубежные исследования границ вышли за пределы классической теории, основанной на понимании границ как закрепленных линий, функционирующих в основном в качестве барьеров, и сегодня рассматривают границы в большей степени как социальные конструкты, отражающие явления экономической, социальной и культурной глобализации [33, 37]. В результате, приграничные сообщества воспринимаются не как пассивные участники, а как акторы, обладающие достаточным потенциалом, чтобы влиять на политические системы [31]. Вследствие этого практики управления приграничными территориями становятся заложниками либеральной риторики о потенциальных конфликтах и их восприятии [29]. Тем не менее вновь приобрела былую актуальность тема секьюритизации границ, особенно в контексте европейских стран, которые все в большей степени сталкиваются с необходимостью поиска баланса между безопасностью и интересами преодоления барьеров путем трансграничного взаимодействия [32].

Научные исследования российско-украинского пограничья в постсоветский период в первую очередь были посвящены территориальной морфологии, географии населения, расселению и процессу урбанизации [15, 18, 22, 23]. В работах Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова, В.И. Пантина и В.В. Лапкина о взаимодействиях России и Украины основное внимание уделялось вопросам экономического и гуманитарного сотрудничества субъектов трансграничной интеграции (производственно-сбытовым связям, приграничной торговле, развитию транспортной

инфраструктуры), а также социальным и культурным взаимодействиям с выходом на исследование широкого круга политических и геополитических аспектов проблемы [4, 6, 7, 8]. Несмотря на имеющиеся предпосылки образования контактной зоны, способствующей интеграции двух соседних стран [23], анализ социально-экономических особенностей приграничных регионов констатировал рост экономических и социальных градиентов на государственной границе [15]. А.М. Анисимов, Л.Б. Вардомский, С.П. Глинкина, В.А. Колосов и др. подчеркивали усиление на единой в прошлом территории экономической асимметрии и асинхронность социально-экономических процессов, которые объективно тормозили интеграцию и приграничное сотрудничество на постсоветском пространстве [1, 17]. По мнению В.А. Колосова, основными факторами, стимулирующими трансграничное сотрудничество, остаются благоприятное положение приграничного района относительно транспортно-коммуникационных коридоров международного значения и наличие по обе стороны пары городов-соседей и единой ранее системы расселения [25]. Н.Л. Гавкалова и А.М. Кирюхин изучали вопросы приграничного сотрудничества через призму создания еврорегионов на российско-украинской границе [10, 14]. Еврорегионы до сих пор рассматриваются многими исследователями в качестве важного интеграционного инструмента, хотя на российско-украинском пограничье они фактически не действуют с 2014 г. В.Н. Тисунова и А.А. Резник считают укрепление и развитие еврорегионов одним из путей восстановления нарушенных экономических и культурных связей между приграничными регионами Украины и России [20, 26].

В исследованиях социокультурных особенностей российско-украинского пограничья центральное место занимают работы М.П. Крылова, А.А. Гриценко, Т.А. Шульгиной и Г.Г. Гринченко по изучению региональной и этнокультурной самоидентификации населения в контексте формирования в постсоветское время различных национально-политических моделей в России и на Украине [3, 13, 19, 21, 24, 28]. М.П. Крылов и А.А. Гриценко рассматривали особенности национально-культурной идентичности жителей пограничного региона, современного восприятия порубежной территории, ее пространственного рисунка в свете воздействия фактора границы [19]. Г.Г. Гринченко подтверждает гипотезу о преимущественно бикультурной ориентации жителей пограничья и частичном замещении этнической самоидентификации региональной, а также отмечает общность идентичностей

населения пограничья России и Украины и распространение культурно-цивилизационного фронта за пределы государственных границ (в большей степени с российской стороны) [12, 19, 21]. В то же время после кризиса 2014 г. В.П. Бабинцев с соавторами отмечают усиление процессов культурной дифференциации, а также формирование новых моделей идентичности, не совпадающих по направленности ценностно-смысловых паттернов [2].

Начиная с 2014 г. государственная граница России с Украиной все более приобретает черты фронтальной, т.е. резкой разделительной линии [35], которая не только проходит между странами, заморозившими дипломатические контакты или с крайне напряженными отношениями, но и совпадает с важнейшими политическими рубежами, например, между соперничающими военно-политическими блоками [30]. Фронтальные границы обычно складываются в результате непримиримых этнополитических конфликтов, стороны которых претендуют на одну и ту же территорию [36] – например, между участниками ближневосточного конфликта или между Грузией, Абхазией и Южной Осетией. Фронтальные границы зачастую возникают в результате вооруженных конфликтов, гражданских войн и нередко разделяют территории, которые долгое время входили в состав одного государства и между которыми сложились тесные взаимодействия, что делает разрыв еще более резким и болезненным и особенно сильно сказывается на приграничных районах. Нынешняя ситуация на российско-украинской границе напоминает положение на некоторых границах между странами бывшей Югославии (особенно между Сербией и Хорватией) в наиболее напряженные периоды – в 1990-х годах. Ныне подобные процессы заметны на ряде границ в Юго-Восточной Европе и Средней Азии, например, между Сербией и самопровозглашенной Республикой Косово, между Узбекистаном и Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией. По всей видимости, имеющийся уровень барьерности российско-украинской границы сохранится на довольно длительный период, учитывая неготовность украинской политической элиты и значительной части общества согласиться с утратой Крыма и отсутствие ясных перспектив урегулирования в Донбассе. Это означает, что российские регионы, граничащие с Украиной, должны быть готовы адаптировать свое хозяйство и социум к закрытому режиму границы, который может продлиться многие годы и даже десятилетия.

Материалы и методы исследования

В статье рассматриваются четыре основных измерения приграничного сотрудничества: инфраструктурное – создающее физическую основу сотрудничества; институциональное – обеспечивающее правила и рамки сотрудничества; экономическое и социальное – выступающие центральными, содержательными звеньями двусторонних взаимодействий. Задача статьи – оценить перечень и состояние трансграничных практик между Россией и Украиной на одном из ключевых участков – в зоне взаимодействия Белгорода и Харькова – в кризисный период отношений двух стран, а также механизмы адаптации.

Информационной базой стали региональные статистические материалы; открытые для широкого доступа данные интернет-порталов бывшего Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница), Дирекции по строительству и эксплуатации объектов Росграницы (ФГКУ “Росгранстрой”), а также территориальных органов таможенной и пограничной служб России и Украины; публикации местных средств массовой информации, блогов и форумов; полевые наблюдения и серия экспертных интервью, проведенных авторами с представителями власти, науки, бизнеса и некоммерческих организаций Белгородской области в январе–феврале 2016 г.

Характер двусторонних взаимоотношений

Институциональное измерение приграничного сотрудничества. Российско-украинская граница и ранее воспринималась жителями приграничных областей как дополнительный институциональный барьер, лимитирующий сформировавшийся уклад жизни. Только к началу 2000-х годов население адаптировалось к новым условиям и стало извлекать определенные выгоды из своего приграничного положения [16]. Этому способствовал безвизовый режим пересечения границы и внешнеторговые преференции, регламентированные двусторонними соглашениями. Более того, “Соглашение о взаимном безвизовом режиме и пограничных пунктах пропуска” (1992), а впоследствии и “Соглашение об упрощении таможенного и пограничного режимов для обеспечения первоочередных потребностей жителей приграничных районов Харьковской и Белгородской областей” (2006) и “Соглашение между правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных регионов Российской

Федерации и Украины” (2011) предусматривали распространение на разных таксономических уровнях упрощенного режима пересечения российско-украинской границы на жителей приграничных регионов. Последнее соглашение предусматривало такие возможности, как пересечение границы в местных пунктах пропуска пешком, на рейсовых автобусах и личном автотранспорте; в течение 90 суток граждане могли находиться на территории соседней страны без регистрации и заполнения миграционных карточек [8].

Нормы экономических и политических взаимоотношений между Россией и Украиной были заложены в Договоре о дружбе, партнерстве и сотрудничестве от 31 мая 1997 г. Подписанием этого соглашения предшествовало создание Совета межобластного экономического сотрудничества по инициативе губернаторов Белгородской и Харьковской областей (1992) и Совета руководителей приграничных областей России и Украины (1993), а также подписание в 1995 г. первого базового документа — “Соглашения о сотрудничестве пограничных областей России и Украины”. Затем был заключен ряд межправительственных соглашений о сотрудничестве в отдельных сферах.

Соглашение о торгово-экономическом, научно-политическом и культурном сотрудничестве между Белгородской и Харьковской областями от 2001 г. легло в основу образования в 2003 г. еврорегиона “Слобожанщина”, включенного в Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕВР) и созданного по образцу еврорегионов Западной Европы, основанных на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в приграничных районах соседствующих государств. Однако в отличие от Западной Европы, где еврорегионы служат эффективной формой международной интеграции, еврорегионы постсоветского пространства носят преимущественно формальный характер из-за отсутствия законодательно закрепленного статуса и поддержки на федеральном уровне, а также недостатка инвестиций и дефицита полномочий региональных властей [5, 17, 18].

Пик приграничного взаимодействия Белгородской и Харьковской областей пришелся на 2011–2012 гг., когда обсуждался целый ряд совместных проектов: строительство международного аэропорта между Харьковом и Белгородом, трансграничный Российско-Украинский университетский консорциум, проект по водоохранным мероприятиям реки Северский Донец, создание технопарка “Слобожанщина” и др. По данным Администрации Белгородской области, к 2014 г.

насчитывалось 13 действующих соглашений о сотрудничестве региона с Украиной.

После событий 2014 г. почти все совместные мероприятия на территории российско-украинского пограничья на официальном уровне были заморожены. Хотя соглашения о сотрудничестве официально не расторгались, сегодня они фактически не выполняются. В аналогичном режиме продолжают формально действовать соглашения о побратимских связях на местном уровне. Однако в 2016 г. некоторые районы украинского пограничья стали выступать за расторжение этих соглашений. Из-за неуплаты украинской стороной взносов за 2014 г. еврорегион “Слобожанщина” может лишиться статуса члена АЕВР. Контакты между составными частями еврорегиона на данный момент осуществляются только посредством неформальных связей или же через запросы в АЕВР.

Взаимодействие частично сохраняется только в культурной сфере (обмен творческими коллективами, совместные выступления на фестивалях и праздниках). При этом число совместных мероприятий резко сократилось: с 20–30 в 2012–2013 гг. до 3 в 2015 г., причем все они прошли на российской стороне. До настоящего времени проводится мониторинг состояния реки Северский Донец в рамках международных обязательств (проект ТАСИС “Управление трансграничным речным бассейном реки Северский Донец”).

Редукцию официальных связей с Украиной на современном этапе наглядно демонстрирует и статистика официальных визитов: значительное сокращение украинских делегаций в Белгородскую область и полное прекращение поездок представителей области на Украину в 2015 г. (рис. 1). В такой ситуации область стала переориентироваться на сотрудничество с Республикой Беларусь.

Инфраструктурное измерение. Охлаждение взаимоотношений Киева и Москвы негативно повлияли на работу приграничной инфраструктуры, динамику трансграничных контактов, а также на режим российско-украинской границы. С 1 марта 2015 г. пересечение границы российскими гражданами заметно усложнилось и стало возможным только по загранпаспортам и нотариально заверенным приглашениям с украинской стороны. Стоимость такого приглашения составляет приблизительно 500–650 руб., “бизнес” по их изготовлению на территории Украины и доставке в Россию уже налажен. В результате усложнения процедуры прохождения таможенного и пограничного контроля число пересечений

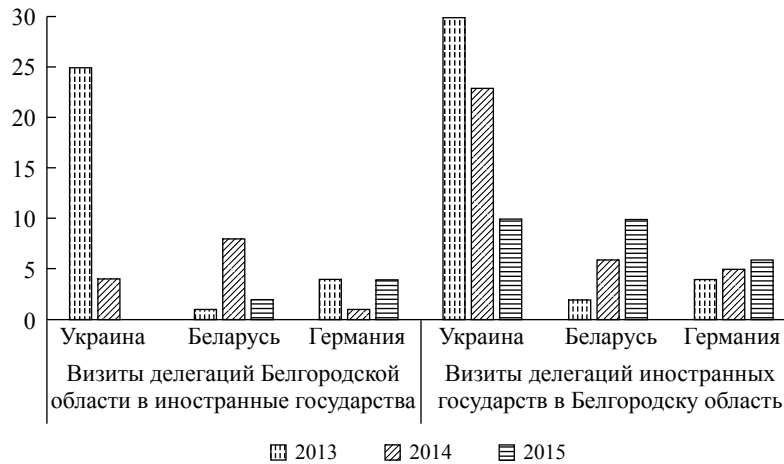

Рис. 1. Число встреч на международном официальном уровне при участии делегаций Белгородской области в 2013–2015 гг.

Источник: Материалы Администрации Губернатора Белгородской области (Отдел международных связей и приграничного сотрудничества и Департамент транспорта), январь 2016 г.

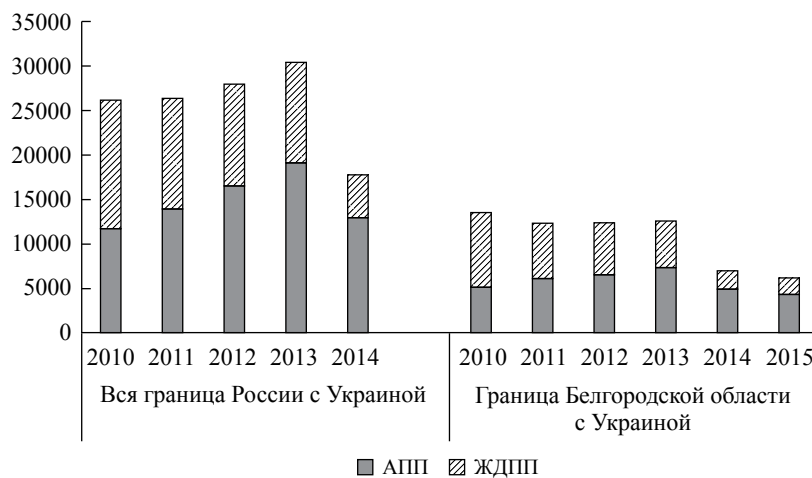

Рис. 2. Динамика пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные и железнодорожные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: Материалы Администрации Губернатора Белгородской области (Отдел международных связей и приграничного сотрудничества и Департамент транспорта), январь 2016 г.

российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные (АПП) и железнодорожные пункты пропуска (ЖДПП) в 2015 г. по сравнению с 2013 г. снизилось почти вдвое (рис. 2). Максимальное сокращение потока за 2014 г. произошло именно в Белгородской области на наиболее загруженных пропускных пунктах: АПП “Гоптовка – Нехотеевка” на трассе М-2 “Крым” (на 30%) и ЖДПП “Долбино–Казачья Лопань” на магистральной железнодорожной линии Москва–Харьков–Симферополь (на 85%), через которые в 2013 г. проходило более 60% автомобильного

и 80% железнодорожного пассажиропотока на белгородском отрезке границы.

В Белгородской области из установленных 22 пунктов пропуска на конец 2016 г. фактически действующими оказалось только 4–5 международных автомобильных и 1 железнодорожный. Юридически существуют еще 4 двусторонних АПП, однако движение российских граждан через них невозможно, так как они не подключены к компьютерной базе данных для проверки нотариально заверенных приглашений. Вследствие низкой загруженности (40–60 граждан в сутки) двусторонние АПП,

Рис. 3. Динамика пересечений транспортными средствами белгородского участка российско-украинской границы в 2010–2015 гг., ед.

Источник: Материалы Администрации Губернатора Белгородской области (Отдел международных связей и приграничного сотрудничества и Департамент транспорта), январь 2016 г.

использующиеся для пересечения границы только гражданами Украины, были переведены на временный режим работы. Не учитывается в трансграничных взаимодействиях международный воздушный пункт пропуска, существующий в Белгородском аэропорту, но не используемый для пересечения российско-украинской границы в связи с тем, что прямое авиасообщение с Украиной было отменено в конце 2015 г.

Сокращение трансграничного транспортного потока заметно и на грузовых перевозках. В результате увеличения длительности прохождения таможенного и пограничного контроля, а также взаимных торговых санкций поток грузового автотранспорта на белгородском отрезке российско-украинской границы в 2015 г. сократился на 40% по сравнению с 2013 г. (рис. 3), на 27% уменьшилось число грузовых железнодорожных составов, а пассажирских – на 92%.

По данным на март 2016 г., из десятка регулярных пассажирских поездов, следовавших в 2013 г. из России на Украину через Белгород, оставалось только два: Москва–Харьков (с прицепными вагонами на Полтаву и Сумы) и Москва–Днепропетровск–Кривой Рог. Все пригородные поезда между Белгородом и Харьковом отменены. Популярный прежде у жителей Белгорода электропоезд “Князь Владимир” – первая электричка международного сообщения с пограничным и таможенным контролем на станциях отправления, преодолевающая расстояние до Харькова за 1 час 20 минут, – был отменен из-за заметного сокращения пассажиропотока.

Через пункты пропуска Белгородской таможни в 2015 г. прошло около 1.3 млн единиц легкового транспорта, что на 5.5% меньше, чем в 2014 г. Перевозки пассажирским автотранспортом в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились на 63.4%, что вызвано появлением частных перевозчиков – украинских граждан на маршрутках с украинскими номерными знаками. Широкое распространение получили нерегулярные рейсы до российских пропускных пунктов “Нехотеевка”, “Грайворон” и “Шебекино”, осуществляемые частными перевозчиками-маршрутчиками и таксистами. Частные маршрутные такси, как правило, не пересекают границу и довозят пассажиров только до пункта пропуска, где люди пересекают границу пешком, по другую сторону их уже ждет другое такси. Этой услугой пользуются преимущественно граждане Украины.

Тем не менее между городами Белгородской области и Украины (Харьков, Днепропетровск, Киев и др.) сохранилось и регулярное автобусное сообщение. Однако частота следования регулярных автобусных рейсов снизилась примерно в 1.5 раза по сравнению с 2013 г. Пересечение границы на них занимает в среднем 3–5 часов.

Экономическое измерение. Вплоть до кризиса 2014 г. трансграничные экономические связи Белгородской области с соседними украинскими областями были весьма тесными. Коэффициент экономической связанности¹ между Белгородской

¹ Доля стоимостных объемов взаимных торговых связей пар приграничных регионов в процентах к суммарному ВРП (по ППС) данных регионов, умноженная на 100. Зависит от развития межрегиональной транспортной

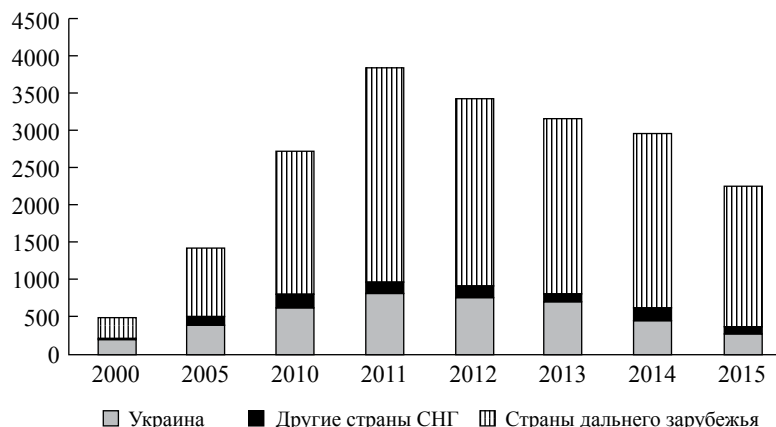

Рис. 4. Экспорт Белгородской области в 2000–2015 гг., млн долл.

Источник: Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016.

и Харьковской областями в 2009–2010 гг. был выше, нежели у любой другой трансграничной пары регионов российско-украинского порубежья, а в 2011 г. занимал второе место, уступая только паре Ростовская область – Донецкая область².

Белгородская область в советские годы находилась в тени своего более экономически мощного южного соседа [17, 18], однако с 1991 г. начала обгонять Харьковскую по большинству макроэкономических показателей, рассчитываемых на душу населения. Так, в 2012 г. ВРП на душу населения в Белгородской области был выше показателя Харьковской области в 2.1 раза. Существенны были контрасты и в характеристике занятости населения: уровень безработицы в Харьковской области составлял 7.8% (среднеукраинский показатель – 9.3%), в Белгородской области – 4.1% (в среднем по России – 4.3%)³.

Экономика восточных областей Украины была тесно интегрирована с российским промышленным комплексом. Производственные цепочки между предприятиями по обе стороны границы сложились еще в СССР. У многих крупных предприятий Харькова (“Турбоатом”, “Завод имени Малышева”, “Харьковский тракторный завод имени Орджоникидзе”, “Харьковский авиационный завод”, “Завод ФЭД”, “Хартрон”) было налажено тесное научно-техническое сотрудничество и кооперационные производственные связи с предприятиями России

и стран СНГ, Россия и СНГ были основными рынками сбыта продукции [11]. Разрыв этих связей вследствие действий украинских властей⁴ отрицательно сказался на деятельности предприятий. Из-за потерянных связей с Россией харьковские заводы “Гидропривод” и “Поршень”, выпускавшие продукцию для российских предприятий, понесли серьезные экономические потери вплоть до остановки деятельности и банкротства.

В то же время, несмотря на препоны и политические проблемы между двумя странами, некоторые предприятия продолжают сотрудничать с российской стороной. Харьковский машиностроительный завод “ФЭД” поставляет в Россию рулевые приводы, объединение “Коммунар” – устройства терморегулирования остекления кабины пилотов и другое оборудование, Агрегатное конструкторское бюро – гидравлические агрегаты для вертолетов “Ансат” и Ми-38. Хотя экспорт из Харьковской области в Россию за последнее время существенно снизился (в 2.3 раза: с 925 млн долл. в 2012 г. до 407 млн долл. в 2015 г.), он сохраняется в целом на высоком уровне.

Харьков и Белгород – промышленные центры, которые имеют разную специализацию и взаимно дополняют друг друга. Харьковская область в составе СССР специализировалась преимущественно на тяжелом машиностроении, Белгородская область – на отраслях АПК (27% ВРП, в том числе сельское хозяйство – 17%), черной металлургии, производстве строительных материалов.

инфраструктуры, производственного, научного и образовательного потенциала приграничных регионов, взаимной специализации и определяет степень торгово-экономической взаимодополняемости регионов приграничья.

² Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. ЦИИ ЕАБР, 2013.

³ Там же.

⁴ Указ президента Украины № 691/2014 о введении в действие решения СНБО от 27 августа 2014 г. “О мерах по усовершенствованию государственной военно-технической политики”, предусматривающий запрет на экспорт в РФ товаров военного и двойного использования.

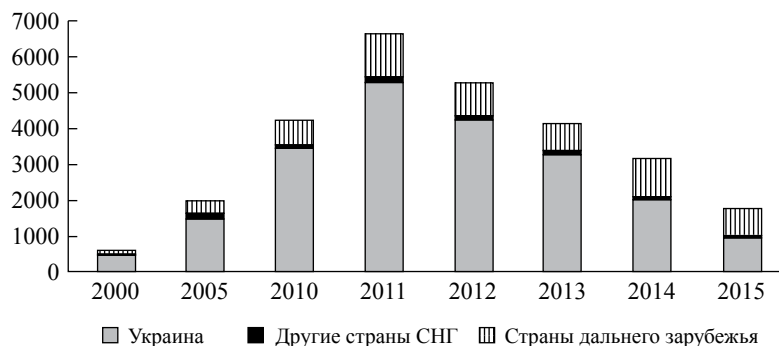

Рис. 5. Импорт Белгородской области в 2000–2015 гг., млн долл. Примечания: 1) без учета внешней торговли с Республикой Беларусь и с 1 июля 2010 г. с Республикой Казахстан; 2) в 2015 г. — без учета торговли со странами ЕАЭС.

Источник: Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016.

Локомотивами развития АПК Белгородчины на сегодняшний день являются крупные агрохолдинги, например, “Мираторг”, созданные на основе государственно-частного партнерства⁵.

В 2015 г. объем внешней торговли Белгородской области с Украиной по сравнению с 2014 г. снизился на 49%, а с докризисным 2013 г. — на 69% (рис. 4, 5). Торговым отношениям Белгородской области с Украиной всегда была свойственна асимметрия товарного потока: импорт был заметно выше экспорта. Но если в 2013 г. это превышение составило 4.7 раза, то в 2015 г. — 3.5 раза, что связано с более значительным сокращением ввоза украинских товаров в Россию по сравнению с вывозом российских (редукция на 70% и на 60% за 2013–2015 гг. соответственно)⁶. Это связано, в том числе, со взаимными продовольственными санкциями — запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, а также ряда кондитерских изделий, алкоголя). Украина ввела эмбарго на ввоз сигарет, химикатов, железнодорожного оборудования и локомотивов из России.

Несмотря на это, на Украину до сих пор приходится 30% внешнеторгового оборота Белгородской области (1253 млн долл.). Экспорт Белгородской области имеет преимущественно сырьевую направленность. Сохранились поставки сырья — черных металлов (66.8% стоимости экспорта) и железной руды КМА (16.7%) из Белгородской области на Украину. Среди главных

продуктов импорта — машиностроительная продукция (41%), металлы и металлоизделия (29.9%), продукция химической промышленности (9.9%). Многие российские вагоноремонтные предприятия и депо Белгородской области все еще получают украинские комплектующие. В результате сокращения внешнеторгового оборота с Украиной в экспорте существенно уменьшилась доля минеральных продуктов — железной руды и концентратов (на 13 процентных пунктов в 2013–2015 гг.), а в импорте — продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (на 9 процентных пунктов)⁷.

Замораживание приграничного сотрудничества и взаимные экономические санкции негативно повлияли на экономику обоих пограничных регионов, но Харьковская область пострадала больше Белгородской. Экономика Харьковской области в гораздо большей степени была ориентирована на рынок России, нежели экономика Белгородской области на рынок Украины. Кроме того, более емкий внутренний российский рынок способствует выживанию наиболее устойчивых к потере трансграничных контактов предприятий Белгородской области, тогда как большинству производителей Харьковской, Сумской и Луганской областей сложнее справиться с вызовами новых геополитических реалий. Во многом из-за разрыва былых производственных и торговых трансграничных связей в состоянии перманентного кризиса вошла харьковская машиностроительная отрасль: ее доля в отраслевой структуре хозяйства области с конца 1980-х годов до 2010 г. снизилась с примерно 50% до 18.5%⁸, а к 2014 г. —

⁵ Мясная столица России // Белгородские известия. 26.01.2011. URL: <http://old.belwesti.ru/26.1.11-9420.html>.

⁶ Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016.

⁷ Там же.

⁸ Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. ЦИИ ЕАБР, 2013.

Таблица. Число предприятий из Статистического регистра хозяйствующих субъектов Белгородской области в разрезе Общероссийского классификатора органов государственной власти и управления

Предприятия	На 01.01.2014	На 01.01.2015	На 01.01.2016
Хозяйственные общества и товарищества с участием иностранных юридических и (или) физических лиц, а также лиц без гражданства (ОКОГУ-4210011)	1367	1550	1685
в том числе учредители юридические и (или) физические лица Украины (доля в%)	930 (68%)	1106 (71.4%)	1216 (72.2%)

Источник: Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016.

до 16%⁹. Заметно пострадали от свертывания приграничного сотрудничества и непосредственно примыкающие к границе муниципальные образования Белгородской и Харьковской областей. В них произошло существенное снижение большинства значимых социально-экономических показателей по сравнению со среднеобластными (объем отгруженных товаров собственного производства, инвестиции в основной капитал, средняя заработная плата и уровень развития сельского хозяйства)¹⁰.

Чем более удалены приграничные районы Белгородской области от областного центра, тем больше они пострадали от разрыва трансграничных связей и тем заметнее в них экономических кризис. Например, в Грайвороне (80 км от Белгорода) закрылось большинство промышленных предприятий и объектов придорожного обслуживания (автосервисы, АЗС, кафе), в то время как в Шебекино (34 км от Белгорода) таких катастрофических негативных изменений в экономике не произошло.

В качестве компенсации разрыва многих кооперационных связей с Украиной во многих приграничных районах Белгородской области (в первую очередь в Грайворонском) получил распространение новый туристический продукт – этнический украинский “ностальгический” туризм в пограничье для тех граждан России, чье пребывание на территории Украины в настоящее время невозможно. Белгородчина широко рекламирует свою пространственную и культурную близость к Украине (блюда украинской кухни, языковые особенности, общеславянские хороводные традиции и др.).

⁹ Харківська область у 2014 році. Статистичний щорічник. Харків, 2015.

¹⁰ Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016; Харківська область у 2014 році. Статистичний щорічник. Харків, 2015.

Важным аспектом сегодняшнего трансграничного экономического взаимодействия стал начавшийся после событий 2014 г. переход бизнеса, преимущественно малого и среднего, из приграничных регионов Украины (Харьковская, Луганская, Донецкая области) в Россию (таблица). В Белгородской области он представлен, главным образом, некоторыми отраслями сектора услуг (например, свадебная фотография), производством офисной мебели, пищевых продуктов (кондитерская продукция), строительными и ювелирными предприятиями. В регионе осуществляют свою деятельность и несколько крупных коммерческих организаций, которые инвестируются из Харьковской области – предприятия “БелЮжкабель”, “Пластилюкс-Групп” и “Экотон” в Белгороде, Оскольский подшипниковый завод “ХАРП” в Старом Осколе¹¹.

Такой дрейф среднего и малого бизнеса вызван стремлением украинских предпринимателей сохранить российский рынок сбыта. Кроме того, Россия сегодня может стать зоной диверсификации рисков для украинского бизнеса, сыграть роль “тихой гавани”, где украинский капитал не будет столь сильно зависеть от политической ситуации, как на Украине. Важно, что эти предприятия в близком или далеком будущем смогут заложить основу возобновления полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

Социальное и культурное измерение. Неформальные контакты между населением Белгородской и Харьковской областей сохранились, но их интенсивность в 2014–2015 гг. заметно снизилась. По оценкам экспертов, 50–70% жителей этих двух областей имеют родственников в соседнем государстве [28]. До недавнего времени Харьков

¹¹ Белгород посетила финская делегация Ассоциации Европейских приграничных регионов / Белгородская областная дума. 23 Августа 2016. URL: <http://belduma.ru/news/detail.php?ID=29159>.

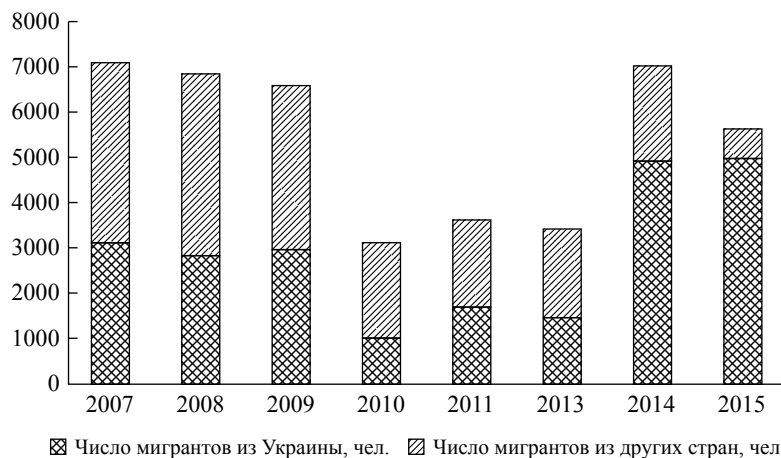

Рис. 6. Число международных мигрантов в Белгородскую область в 2007–2015 гг., человек.
 Источник: Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. Белгородстат, 2016.

выполнял функцию местной локальной культурной столицы Белгородчины. Белгородцы даже шутили, что “самая большая достопримечательность Белгорода – это Харьков”. Харьков был популярным местом отдыха и развлечений для жителей Белгорода и Белгородской области. Имея доходы в 2.5 раза выше, чем на Украине, каждые выходные множество белгородцев приезжало в Харьков, чтобы посетить концерты, клубы, парки, дельфинарий, аквапарк и т.д. После начала кризиса в отношении поток белгородских туристов фактически сошел на нет.

Жители Белгородчины играли важную роль и в розничной торговле в приграничных районах Украины, пользовались широким спектром услуг в Харьковской области, был распространен и торговый (челночный) туризм на харьковский рынок “Барабашово” (крупнейший промышленно-вещевой рынок Украины и Восточной Европы, занимающий 14-е место в рейтинге крупнейших рынков мира). После устроения процедуры пересечения границы Украины для граждан РФ поток торговых туристов из России фактически обнулится, и на сегодняшний день рынок балансирует на грани закрытия. Украинские предприниматели стали сами возить товары в Россию.

После событий 2014 г. пересечение границы стало преимущественно односторонним: около 80% пересекающих границу составляют граждане Украины, которые едут в Россию на заработки, к родственникам, а также за покупкой более дешевого бензина. Приграничное положение и стабильная экономическая ситуация в Белгородской области – главные причины привлекательности региона для трудовых мигрантов. Большая часть трудоспособных мигрантов расселяется

в пределах наиболее экономически развитых ареалов (Белгород; Белгородский, Шебекинский, Старооскольский районы).

Число официально зарегистрированных мигрантов из Украины увеличилось в Белгородской области с 1241 до 5924 чел. за 2010–2015 гг. (рис. 6). На Белгородчину прибыло около 10 тыс. беженцев из восточных регионов Украины (из них 7 тыс. чел. – трудоспособное население)¹². Украинцы составляют 85–90% трудовых мигрантов в области, в 2015 г. ими получено более 9 тыс. (80%) патентов на работу. Главные сферы трудоустройства украинцев: строительство (50%), сельское хозяйство (около 20%) и обрабатывающая промышленность (около 10%).

Численность нелегальных трудовых мигрантов из Украины в Белгородской области, по данным источника из местной администрации, в 4 раза превышает легальную трудовую миграцию. Выходцы из Украины часто не заинтересованы в получении российского гражданства, не хотят легализоваться и получать статус беженца. Как правило, они предпочитают временную работу, так как планируют вернуться обратно на Украину, а российское гражданство и официальная регистрация существенно осложняют поездки на родину.

Из-за массового притока беженцев к 2015 г. в 8 раз (с 150 до 1148 чел.) выросло число украинских граждан среди студентов, обучающихся

¹² Интервью с начальником отдела трудовой миграции и альтернативной гражданской службы управления по труду и занятости Белгородской области Н.С. Чуевой, январь 2016.

в вузах Белгородской области¹³. Раньше ситуация была обратной: Харьков традиционно играл ключевую роль в подготовке профессиональных кадров для Белгородской области [17]. Подобная тенденция в целом сохранялась в 1990-х и 2000-х годах, но с осложнением российско-украинских отношений с 2014 г. научное взаимодействие и программы обмена студентами между белгородскими и харьковскими вузами свернуты, в Харькове продолжают обучение лишь единицы граждан РФ. Сокращение контактов с Украиной в сфере высшего образования привело к переориентации потоков белгородских абитуриентов с Харькова на вузы Черноземья: основным центром образовательных миграций в регионе стал Воронеж, увеличились потоки студентов в Москву и Санкт-Петербург.

Затяжной кризис в отношениях России и Украины негативно сказывается на научных связях между странами. Официальные контакты и любые взаимодействия украинских образовательных, научных и культурных организаций с российскими партнерами не одобряются киевскими властями и запрещены. Незначительное сотрудничество сохраняется только в рамках общих европейских грантов. Остаются и неформальные контакты, например, совместное участие в интернет-конференциях, публикациях статей.

Заключение

Политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезным образом трансформировал трансграничное взаимодействие Харьковской и Белгородской областей, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении российско-украинской границы и сокращению трансграничных потоков населения. Интенсивность всех видов контактов существенно снизилась. Несмотря на то, что двусторонние соглашения о приграничном сотрудничестве юридически не расторгнуты, их действие фактически приостановлено, диалога между сторонами нет. Программы приграничного сотрудничества — результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне — полностью свернуты. Восприятие границы как барьера усилилось, а образы соседей стали более враждебными. На это влияет и распространение представлений об украинских беженцах как нахлебниках, требующих незаслуженных привилегий, а с украинской стороны границы — о россиянах как виновниках

украинского кризиса и военных действий на Донбассе.

Тем не менее трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, сотрудничество в сфере культуры, неформальные и родственные контакты. Сохраняются и даже усилились трудовые миграции, в том числе нелегальные, из Украины в Белгородскую область. Население приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым непростым условиям.

В условиях охлаждения российско-украинских отношений заметно снизилась интенсивность приграничных взаимодействий по всем направлениям — в институциональном, инфраструктурном, гуманитарном и экономическом аспектах. При этом более значительная редукция и трансформация отмечена в отношении инфраструктурных и институциональных измерений приграничного сотрудничества, которые во время политических кризисов страдают в первую очередь. В то же время экономические и социальные (гуманитарные) взаимодействия, хотя и заметно ослабели за последние 2–3 года, до конца не прекращены, что сохраняет потенциальные возможности для возобновления сотрудничества при благоприятных условиях.

Актеры приграничного сотрудничества — чиновники, эксперты, местные жители оценивают потенциал возобновления трансграничных взаимодействий со сдержанным оптимизмом: “дальше будет лучше, так как хуже уже быть не может”. Региональная политика России в пограничных с Украиной регионах выстраивается с учетом возможных положительных политических изменений. Местные власти и СМИ Белгородской области сдержанно и спокойно реагируют на провокационные заявления нынешних украинских политиков, так как считают, что они не отражают реального мнения граждан Украины относительно перспектив восстановления экономических и культурных связей с Россией.

В долгосрочной перспективе возможны несколько сценариев развития всех видов трансграничных взаимоотношений Белгородской области с соседними областями Украины:

первый, наиболее желательный для России, — потепление в отношениях двух стран, восстановление экономического сотрудничества между приграничными областями и районами. Конкурентные преимущества при этом получают производства, располагающиеся вдоль важнейших

¹³ Материалы Управления профессионального образования и науки администрации Белгородской области, февраль 2016 г.

трансграничных инфраструктурных каналов, прежде всего, вдоль оси Белгород–Харьков;

второй, не выгодный, по сути, ни одной стороне — сохранение современных тенденций, замораживание всех видов контактов на длительное время (годы и десятилетия), продолжение взаимных политических обвинений и войны санкций;

третий, катастрофичный как для России, так и для Украины — дальнейшее ухудшение политических отношений, тотальный разрыв экономических, транспортных и культурных связей приграничных регионов, ухудшение их инвестиционной привлекательности, превращение бывшего транзитного пути в тупик, достижение полной дезинтеграции пограничья. В случае реализации этого сценария в равной степени пострадают как Белгородская, так и Харьковская области.

Благодарности. Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке гранта РНФ “Российское пограничье: вызовы соседства” № 14-18-03621 (М.В. Зотова); полевые исследования проведены на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова: на кафедре географии мирового хозяйства в рамках темы “Трансформация территориальной структуры мирового хозяйства в новых геополитических условиях” (Д.В. Заяц, Н.Л. Туров), на кафедре социально-экономической географии зарубежных стран в рамках темы “Географические проблемы социально-экономического развития стран мира” (М.И. Ключников).

Acknowledgments. Funding for scientific research was provided by Russian Science Foundation (grant “Russian Borderlands: Neighborhood Challenges” no. 14-18-03621 — M.V. Zotova). Field study was provided by Lomonosov Moscow State University (D.V. Zayats, N.L. Turov., M.I. Klyuchnikov).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б.* Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 76–96.
2. *Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Сапрыка В.А.* Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества // Регионоведение. 2015. № 1 (90). С. 45–56.
3. *Беспамятных Н.Н.* “Пограничные исследования”: генезис, эволюция, перспективы // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье. Гродно: ГрГУ, 2010. С. 12–15.
4. *Быков А.Ю., Вардомский Л.Б., Голунов С.В., Кирюхин А.М., Колосов В.А., Кубышкин А.И., Макарычев А.С., Остапченко В.Д., Панкратов Е.Н., Романова О.Ю., Самбунова Е.Н., Торопицын И.В., Часовский В.А., Юсупов М.М.* Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России // Научно-образовательный форум по международным отношениям. М. — Волгоград, 2002. 580 с.
5. *Вардомский Л.Б.* Приграничное сотрудничество на “новых и старых” границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1. С. 90–108.
6. *Вардомский Л.Б.* Внешние связи и интеграционный выбор Украины // Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 72–93.
7. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 216 с.
8. *Вардомский Л.Б., Вертинская Т.С.* Институты приграничного сотрудничества Белоруссии, России и Украины // Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 103–115.
9. *Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг.* / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 120 с.
10. *Гавкалова Н.Л.* Трансграничное сотрудничество между Украиной и Россией: проблемы и перспективы // Евразийская Экономическая Интеграция. 2013. № 4 (21). С. 114–120.
11. *Голиков А., Черномаз П.* Анализ проблем трансграничного сотрудничества России и Украины // Регион: стратегия і пріоритети. Укр. науково-практ. журнал. 2007. № 5. С. 15–32.
12. *Гринченко Г.Г.* Международный симпозиум “Пограничье: исторический и культурно-антропологический аспекты” // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 510–517.
13. *Кирчанов М.В.* Украинская национальная идентичность, украинско-русские отношения и национальные нарративы // Славянский мир в социокультурном измерении. Ставрополь и др., 2007. Вып. 3. С. 122–137.
14. *Кирюхин А.М.* Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте общеевропейской интеграции // Евразийская Экономическая Интеграция. 2012. № 4 (17). С. 121–127.
15. *Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б.* Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 5. С. 32–46.

16. Колосов В.А., Вендина О.И. Повседневная жизнь и миграции населения (на примере белгородско-харьковского участка границы) // Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011. С. 162–180.
17. Колосов В.А., Вендина О.И., Зотова М.В., Савчук И.Г., Гриценко А.А., Крылов М.П., Журженко Т.Ю., Кирюхин А.М., Герцен А.А. Российско-украинское пограничье. Двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
18. Колосов В.А., Зотова М.В. Российские регионы – острова в океане? (Перспективы приграничного сотрудничества в стратегиях развития областей российско-украинского пограничья) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1. С. 115–125.
19. Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал соц.-гуманит. иссл. 2012. № 2. С. 28–42.
20. Пастюк А.В. Еврорегион “Слобожанщина”: проблемы и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 11–12. С. 78–80.
21. Пастюк А.В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4–2. С. 436–440.
22. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. Смоленск: Универсум, 2005. 304 с.
23. Попкова Л.И. Урбанизационные процессы на российско-украинском приграничном пространстве // Ученые записки. Электр. научн. журнал Курского гос. ун-та. 2013. № 3 (27). Том 1.
24. Реутов Е.В. Гражданская идентичность в российском и украинском обществах // Власть. 2014. Вып. 5. С. 169–173.
25. Савчук И.Г., Колосов В.А., Зотова М.В. Транспортно-инфраструктурные проблемы в пограничной зоне // Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011. С. 141–161.
26. Тисунова В.Н., Резник А.А. Факторы развития трансграничного сотрудничества России и Украины // Проблемы современной экономики. 2015. Вып. 4 (56). С. 258–262.
27. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Лихневская Н. Развитие системы городского расселения Белгородской области // Геогр. и прир. ресурсы. 2013. № 1. С. 112–118.
28. Шульгина Т.А. Социальные условия формирования гражданско-культурной идентичности населения на приграничных территориях России и Украины // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2014. № 5 (25). С. 82–86.
29. Arieli T. Borders, conflict and security // Int. J. Conflict Management. October 2016. № 27 (4). P. 487–504.
30. Foucher M. Fronts et frontieres. Un tourdu monde geopolitique. Paris, 1991.
31. Henrikson A.K. Facing across borders: The diplomacy of bon voisinage // Int. Political Sci. Rev. 2000. № 21 (2). P. 121–147.
32. Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Ed.). London and New York: Routledge, 2016. 255 p.
33. Paasi A. Border studies reanimated: Going beyond the territorial/relational divide // Environment and Planning. 2012. № A 44 (10). P. 2303–2309.
34. Paasi A. Bounded spaces in a ‘borderless world’: Border studies, power and the anatomy of territory // J. Power. 2009. № 2 (2). P. 213–234.
35. Sergunin A. Russian Perceptions of the Ukrainian Crisis: From Confrontation to Damage Limitation? // Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Ed.). London and New York: Routledge, 2016. P. 43–57.
36. Yiftachel O. and Meir A. Ethnic Frontiers in Israel: Peripheral Development and Group Inequalities. Boulder: Westview, 1997. 250 p.

REFERENCES

1. Anisimov A.M., Vardomskiy L.B., Kolosov V.A., Hertenzen A.A., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. Trans-border cooperation in the regions of Russia, Belarus and Ukraine: Its status and future outlook. *Evrash. Ekon. Integratsiya*, 2013, no. 4 (21), pp. 76–96. (In Russ.).
2. Babintsev V.P., Reutov E.V., Sapryka V.A. Political and cultural delimitation of the border regions of Russia and Ukraine in the expert opinion. *Regionologiya*, 2015, no. 1 (90), pp. 45–56. (In Russ.).
3. Bepamyatnykh N.N. “Border studies”: Genesis, Evolution, Prospects. In *Narody, kul'tury i sotsial'nye processy na pogramich'e* [People, Culture and Social Processes in the Borderland]. Grodno: GrGU, 2010, pp. 12–15. (In Russ.).
4. Bykov A.Yu., Vardomskiy L.B., Golunov S.V., Kirjulin A.M., Kolosov V.A., Kubyshekin A.I., Makarychev A.S., Ostapchenko V.D., Pankratov E.N., Romanova O.Ju., Samburova E.N., Toropicyn I.V., Chasovskii V.A., Jusupov M.M. *Prozrachnye granitsy. Bezopasnost' i transgranichnoe sotrudnichestvo v zone novykh pogramichnykh territorii Rossii* [Transparent Borders. Security and Cross-Border Cooperation in the New Border Regions of Russia]. Moscow–Volgograd, 2002. 580 p.

5. Vardomskiy L.B. Cross-border cooperation on the “new” and “old” Russian borders. *Evrz. Ekon. Integratsiya*, 2008, no. 1, pp. 90–108. (In Russ.).
6. Vardomskiy L.B. International relations and integrational choice of Ukraine. In *Vneshneekonomicheskie svyazi postsovetskikh stran v kontekste evraziiskoi integratsii* [Foreign Economic Relations of Post-Soviet Countries in the Context of Eurasian Integration]. Vardomskiy L.B., Pylin A.G., Eds. Moscow: IEH RAN, 2014, pp. 72–93. (In Russ.).
7. Vardomskiy L.B. *Rossiyskoe porubezh'e v usloviyakh globalizatsii*. [Russian Borderland in the Conditions of Globalization]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009. 216 p.
8. Vardomskiy L.B., Vertinskaya T.S. Institutions of cross-border cooperation of Belarus, Russia and Ukraine. In *Regionalizatsiya vneshneekonomicheskikh svyazei v Rossii i sosednikh stranakh* [Regionalization of International Relations in Russia and Neighbor Countries]. Moscow: IEH RAN, 2014, pp. 103–115. (In Russ.).
9. *Vnutripoliticheskie processy v Rossii i Ukraine i perspektivy rossijsko-ukrainskikh otnoshenii v period 2014–2020 gg.* [Internal Political Processes in Russia and Ukraine and Prospects of Russian-Ukrainian Relations in 2014–2020]. Pantin V.I., Lapkin V.V., Eds. Moscow: IMEMO RAN, 2014. 120 p.
10. Gavkalova N.L. Cross-border cooperation between Ukraine and Russia: problems and prospects. *Evrz. Ekon. Integratsiya*, 2013, no. 4 (21), pp. 114–120. (In Russ.).
11. Golikov A., Chernomaz P. Analysis of problems of cross-border cooperation between Russia and Ukraine. *Reg.: Strategiya i prioriteti. Ukr. Naukovo-Prakt. Zh.*, 2007, no. 5, pp. 15–32.
12. Grinchenko G.G. International conference “Borderland: Historical and Cultural-Anthropological Aspects”. *Antropologicheskii Forum*, 2005, no. 3, pp. 510–517. (In Russ.).
13. Kirchanov M.V. Ukrainian national identity, Ukrainian-Russian relations and national narratives. In *Slavyanskii mir v sotsiokul'turnom izmerenii* [Slavic World in Sociocultural Dimension]. Stavropol, 2007, no. 3, pp. 122–137. (In Russ.).
14. Kiryukhin A.M. Development of cross border cooperation between Ukraine and Russia in the context of Pan-European integration. *Evrz. Ekon. Integratsiya*, 2012, no. 4(17), pp. 121–127. (In Russ.).
15. Kolosov V.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. Structural features of economy and gradients of socioeconomic development of border regions of Belarus, Russia, and Ukraine. *Reg. Res. Russ.*, 2014, vol. 4, no. 4, pp. 286–300.
16. Kolosov V.A., Vendina O.I. Everyday life and migration of the population (case study Belgorod-Kharkov border zone). *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva* [Russian-Ukrainian Borderland: Twenty Years of Divided Unity]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2011, pp. 162–180. (In Russ.).
17. Kolosov V.A., Vendina O.I., Zotova M.V., Savchuk I.G., Gritsenko A.A., Krylov M.P., Zhurzhenko T.Yu., Kiryukhin A.M., Gertzen A.A. *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva* [Russian-Ukrainian Borderland: Twenty Years of Divided Unity], Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2011. 352 p.
18. Kolosov V.A., Zotova M.V. Russian regions – islands in the ocean? (Prospects of the cross-border cooperation in the development strategies of the Russian and Ukrainian border regions). In *Yuzhno-rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya* [South Russian Forum: Economy, Sociology, Politology, Socioeconomic Geography], 2010, no. 1, pp. 115–125. (In Russ.).
19. Krylov M.P., Gritsenko A.A. Regional ethno-cultural identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Byelorussian borderland: historical memory and cultural transformations. *Labirint. Zh. Soc.-Gum. Issl.*, 2012, no. 2, pp. 28–42. (In Russ.).
20. Pastyuk A.V. Euroregion “Slobozhanshchina”: problems and prospects. *Sovremennaya Nauka: Akt. Probl. Teorii i Praktiki. Ser.: Gum. Nauki*, 2014, no. 11–12, pp. 78–80. (In Russ.).
21. Pastyuk A.V. Frontiers of cultural-civilization identity of the Russian and Ukrainian regions. *Kazanskii Pedagog. Zh.*, 2015, no. 4–2, pp. 436–440. (In Russ.).
22. Popkova L.I. *Geografiya naseleniya rossijsko-ukrainskogo prigranich'ya*. [Geography of the Population of the Russian-Ukrainian Borderland]. Smolensk: Universum Publ., 2005, 304 p.
23. Popkova L.I. Urbanization processes in the Russian-Ukrainian borderland. *Uchenye Zapiski. Elektr. Nauchn. Zh. Kurskogo Gos. Univ.*, 2013, no. 3 (27), vol. 1. (In Russ.).
24. Reutov E.V. Civil identity in Russian and Ukrainian society. *Vlast'*, 2014, no. 5, pp. 169–173. (In Russ.).
25. Savchuk I.G., Kolosov V.A., Zotova M.V. Transport-infrastructure problems in the borderland. *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva* [Russian-Ukrainian Borderland: Twenty Years of Divided Unity]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2011, pp. 141–161. (In Russ.).
26. Tisunova V.N., Reznik A.A. Factors of the development of the cross-border cooperation between Russia and Ukraine. *Probl. Sovr. Ekon.*, 2015, vyp. 4 (56), pp. 258–262. (In Russ.).
27. Chugunova N.V. The development of the urban settlement system in Belgorod oblast. *Geogr. Nat. Resour.*, 2013, vol. 34, no. 1. pp. 55–60.
28. Shulgina T.A. Social conditions of formation of civil-cultural identity of population in the border areas of Russia and Ukraine. *Vestn. Volgogr. Gos. Univ. Ser. 7, Filos.*, 2014, no. 5 (25), pp. 82–86. (In Russ.).
29. Arieli T. Borders, conflict and security. *Int. J. Conflict Management*, October 2016, no. 27 (4), pp. 487–504.

30. Foucher M. *Fronts et frontieres. Un tourdu monde geopolitique*. Paris, 1991. 358 p.
31. Henrikson A.K. Facing across borders: The diplomacy of bon voisinage. *Int. Polit.Sci. Rev.*, 2000, no. 21 (2): pp. 121–147.
32. *Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia?* Stoklosa K., Besier G., Eds. London and New York: Routledge, 2016. 255 p.
33. Paasi A. Border studies reanimated: Going beyond the territorial/relational divide. *Env. Plan.*, 2012, no. A 44 (10), pp. 2303–2309.
34. Paasi A. Bounded spaces in a 'borderless world': Border studies, power and the anatomy of territory. *J. Power*, 2009, no. 2 (2), pp. 213–234.
35. Sergunin A. Russian Perceptions of the Ukrainian Crisis: From Confrontation to Damage Limitation? In *Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia?* Stoklosa K., Besier G., Eds. London and New York: Routledge, 2016. 255 p.
36. Yiftachel O., Meir A. *Ethnic Frontiers in Israel: Peripheral Development and Group Inequalities*. Boulder: Westview, 1997. 250 p.